

Цена 20 коп.

Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

17
(1029)

ISSN 0132—2141

Владимир ГРЕЧАНИНОВ

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Библиотека Крокодила № 17

Владимир ГРЕЧАНИНОВ

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

Фельетоны и рассказы

Художник Г. ОГОРОДНИКОВ

Издательство ЦК КПСС «Правда»
Москва
1987

ЧЕРНЫЕ СПИСКИ

У вас случайно не найдется знакомого зубопротезиста, а? А по линии очковых оправ человека нет? Может, в техобслуживании кто есть? А в кругах, близких к телефонным? Или к мебельным? Срочно нужен гарнитур «Ольховка-38»! И в мясном тоже никого? Плохи ваши дела!

Ну, а сынишку одних хороших знакомых других хороших знакомых в спецшколу пристроите? Да в любую, хоть с ветеринарным уклоном, а? А в детсадишке каком особенном руки не имеете? Напрасно улыбаетесь. Недавно одна чадолюбивая мамаша взяла и пристроила своего дитя с орлиным зрением в спецдетсадишку для близоруких. А почему бы и не пристроить, если блат есть? Но у вас, как я понимаю, ничего такого не имеется. В среде преподавателей тоже, да? Ну, тогда лично к вам эта история не имеет никакого отношения.

А свои зримые очертания она начала обретать, когда под величественными сводами Заманского политехнического института впервые возникла энергичная фигура ювелира Арамова С. П. — красавца, любимца Фортуны и других дам.

Все было у Сурена Петропавловича: и здоровье, и то, за что он легко покупал остальное. Для полнейшей гармонии не хватало лишь сущего пустяка — диплома. Нет, нет, менять ювелирную профессию на инженерную Арамов, будучи в здравом уме, не собирался. Но престиж!.. Блажь, конечно, прихоть, но почему бы и не поиметь пока еще не поголовно доступные синие корочки?!

© Издательство ЦК КПСС «Правда». Библиотека Крокодила. 1987 г.

— О чем речь, венец ты наш алмазнейший! — с пониманием встретили у врат науки золотых дел мастера доценты Бубнов и Трубнов. А второй, удачно оказавшийся зампредом приемной комиссии по химии, добавил: — Ты, главное, не перепутай: золотишко — это по-нашему аурум, серебро — аргентум, а про разные копеечные феррумы-купрумы-ангидриды у нас и речи не будет.

Надо ли говорить, что химию понятливый абитуриент сдал своему консультанту на твердую четверку. Без напряжения спихнул и остальные экзамены. Оно и понятно, ведь консультант наказал экзаменаторам строго-настрого:

— Внимание! Человек из «черных списков».

Такая уж традиция сложилась в этом славном учзаведении: означенным в этих зловеще названных списках счастливицам двоек не ставить. Установка для педсостава более незабываемая, чем правило буравчика.

Правда, историю возникновения «черных списков» летопись влиятельных до нас не донесла. А жаль! Но скорее началось все до обидного банально. С заурядной просьбы посодействовать племяннику, знакомцу, восходящей звезде местного спорта... Обычное в общем-то дело.

«А почему бы и не посодействовать?» — порешили однажды влиятельные в политехе лица, среди которых можно назвать парочку деканов и одного проректора. — Подумаешь, ни бум-бум симпатяга-племянник в арифметике! Зато в барьерном беге — профессор». И, отсесняя тренированными локтями бледных очкариков-хорошистов, к высотам образования двинулась монолитная колонна «позвоночников».

Сколько их тут pereучилось, науке, как и следствию, неизвестно. Многие давно уж стали дипломированными «специалистами», до чьих кресел так просто не дотянешься.

Следственный интерес к деятельности столпов политеха появился, когда в ряды избранных все чаще стали проникать граждане пусть не именитые, зато отменно кредитоспособные.

Одним из первых к широкой распродаже студбилетов и поспел Арамов. Потом, не торгуясь, уплатил вступительный пай в одну тысячу рублей и стал студентом его племянник Саша. А затем с легкой руки ювелира в Заманск зачастили предприимчивые жители теплых республик, с поистине южной страстью желающие дорваться до плодов просвещения.

С племянником, правда, вышла промашка. Несмотря на крепнущий авторитет дяди в политехнических кругах, милый юноша был-таки отчислен. Не давались юноше науки, кроме физподготовки, конечно. Но в целом система работала бесперебойно.

И так бы это, наверное, и продолжалось, если бы в один прекрасный день в Заманск не заявился житель гор Ломадзе. Падкого до знаний юношу заботливо сопровождали мама и дядя — тоже, понятно, питомцы политеха.

— О чем речь, генацвале! Ученые — свет, это и дураку ясно! — узнав

о цели визита, обрадовался дипломированный ювелир-посредник. — Конечно, поможем. Согласно имеющимся расценкам.

— Поможем! — выслушав ходатайство ювелира, вынесли вердикт в приемной комиссии, и юноша без проволочек был включен в заветный список.

А потом случилось непоправимое. Нет-нет, в политех юноша, безусловно, поступил. Подумаешь, тридцать восемь ошибок в сочинении. Но в первую же сессию был отчислен.

— Жулики! Верните плату за обучение! — вскричала мать безутешного экс-студента и, орошая слезами суровые милицейские мундиры, принялась строчить чистосердечное признание.

Да и как не понять горя матери: отчислили-то ее сына действительно по ошибке. Ведь она передала посреднику-ювелиру и вступительный пай, и плату за последующее обучение — пять тыщ оптом. А бесчестный ювелир передал толпам политеха только вступительную тысячу, ужюлив остаток как комиссионные. Потому на сессии экзаменаторы и подошли к безвинному юноше с присущей им порой суровостью и неподкупностью.

И — вот совпадение! — в то же время в УВД заявила еще одна зареванная женщина:

— Помогите закончить политех! Мыслимое ли дело — платить по сотне за каждый зачет! Эдак на высшее образование никаких средств не напасешься!

Вот так и возникли в одном институте сразу два уголовных дела, и вскоре суд воздал должное политехническим доцентам, кандидатам и докторам. А Арамов был лишен не только свободы, но и вожделенного диплома.

Но, увы, далеко не все герои нашей истории оказались на скамье подсудимых. Только как свидетели проходили по делу два десятка преподавателей-бессребреников, ставивших разным недоумкам «хор.» и «отл.» из одной почтительности к руководству. Что делать, статьи, подразумевающей ответственность за подготовку липовых командиров производства, в Уголовном кодексе нет. И за беспринципность — тоже.

Правда, на суде эти овечки вдруг приобрели голос и даже рискнули разоблачить своих неопасных теперь начальников. Но вот уразумели ли они, что ненаказуемое угодничество порой опаснее вполне уголовной корысти? Не знаю, не уверен. И частным определением, которое дал суд в адрес политеха, их, конечно, не проймешь. Вот если бы им предстояло оказаться под ножом хирурга — выходца из «черных списков», — тогда дело другое.

СТРАННЫЙ ДЕНЬ

Все было, как обычно, — утро, день, а потом и вечер, за которым ожидалась ночь. Юрий Николаевич открыл своим ключом входную дверь, прошел на кухню и сел к столу:

— Ну что? — Сонечка посмотрела на мужа с тихой надеждой. — Ты едешь?

Юрий Николаевич виновато вздохнул и промолчал.

— Так я и знала, — сказала Сонечка и ушла в ванную стирать пододеяльники и плакать. Пододеяльники она стирала потому, что не любила прачечных, а плакала потому, что речь шла о длительной, уже третьей в этом году и, конечно, не последней командировке мужа. Поездка предстояла на один отдаленный объект и была единственным поводом, по которому Юрия Николаевича вспоминали в отделе. И он, будучи человеком обязательным, ехал. Такой уж он был человек. Когда в отделе раздавали канцтовары — бумагу, копирку и другую ерунду, и сотрудники несли все это домой, ему доставались только линованные амбарные книги и бланки непонятного назначения. Потому остальной нужный для работы канцелярский инвентарь он покупал за свои деньги в магазине «Школьник». Однажды он рассказал об этом дома, и с этого дня теща, нанавидевшая его тайно, стала делать это открыто.

— Ты вышла замуж за идиота, — говорила она, даже не всегда в его отсутствие, жене Сонечке. — Посмотри, на кого он похож? А ты сама? А дети?

Это было обидно и несправедливо: сам Юрий Николаевич был похож на обычного старшего инженера, кем он и являлся, жена походила на рядового экономиста, что тоже соответствовало, а дети чем-то походили на него самого, чем-то на Сонечку, а чем-то на всех остальных детей на свете. Но все равно от слов этих Юрий Николаевич расстраивался.

Вообще жилось ему не сладко. В транспорте ему грубили, обвешивать его было наслаждением: на весы он не смотрел принципиально, считая это неприличным, а если и смотрел — молчал. Впрочем, один раз он не выдержал и сказал. Дома. Сказал, что ему было стыдно за продавщицу. После этого тихая Сонечка стала еще тише и молчала две недели подряд.

А сейчас, выйдя из ванной с заплаканными глазами, она молча достала чемодан и стала укладывать в него командировочный набор мужа.

— Сонечка, — взмолился измученный тишиной Юрий Николаевич, — но чем же я виноват?

И Сонечку прорвало:

— О, господи, — тихо закричала она, — ну почему ты не можешь жить, как другие? Почему ты не можешь принести домой хоть пачку копирки?!

— Потому что я не умею приносить копирку, — тихо отвечал Юрий Николаевич.

— Так научись, — тоже тихо сказала Сонечка, — или я уйду навсегда.

Солнце, последний раз осветив комнату, скрылось. Юрий Николаевич надел болоньевую куртку, шляпу с короткими тирольскими полями и вышел на улицу.

— Ладно, — сказал он на улице, — я вам принесу, — и, почувствовав облегчение, зашел в маленький молочный магазин на углу, закрыл глаза и сунул в карман плавленый сырок «Дружба» за 26 копеек. И пошел прочь.

Он ждал, что его задержат, начнут срамить, заламывать руки за спину, даже посадят в тюрьму, но ничего этого не случилось — он спокойно вышел на улицу. Никто не заметил.

Что было потом, он не помнит. Ходил где-то, разговаривал сам с собой, размахивал руками. Светила луна. Вернулся домой под утро, засунул сырок в холодильник и забылся сном.

Утром раздался резкий телефонный звонок. В трубке был голос начальника.

— Юрий Николаевич. — Голос был ласков и даже заискивал. — Сегодня летите в Ригу, на конференцию. Назад особенно не спешите. Позагорайте, отдохните, а то замотали мы вас совсем.

«А как же командировка?» — хотел спросить Юрий Николаевич, но голос в трубке уже отвечал:

— И думать забудьте — Кузьменков поедет. Поезжайте в Ригу и ни о чем не беспокойтесь. Машину я послал.частливого пути!

И Юрий Николаевич улетел. А вернулся бодрым, загорелым — словом, другим человеком. Отдельские женщины даже роман предположили, но этого не было.

А потом и другие пошли изменения. В Риге его соседом по номеру оказался замдиректора одной организации, и как только открылась у него вакансия, взял к себе Юрия Николаевича завоём. Потом явилась квартира в излучине реки — воздух, и до метро два шага. Дети перешли в школу с правильным уклоном, теща стала приходить только по воскресеньям.

Да и сам Юрий Николаевич сильно изменился. Помолодел, выпрямился, походка стала упругой, взгляд уверенным, сон глубоким.

Не спится ему только в полнолуние. Он ворочается с боку на бок, стонет, а когда в окне появляется луна и свет ее заливает самые темные углы комнаты, он молча встает с постели, надевает старую болоньевую куртку, шляпу с короткими тирольскими полями и выходит на улицу. А возвращается только под утро — тихий, усталый. И ложится спать.

А назавтра работники одного из магазинов, открывая его утром, находят на пороге ровно 26 копеек. Сначала они удивлялись, а потом привыкли.

ОБЛАКО

По небу плыло облако. Оно плыло с запада на восток и напоминало какое-то животное.

Первым, как и положено, его заметил старший научный сотрудник гидрометцентра Юшков, и утром диктор объявил: «Возможны осадки».

Вторым его увидел первый пилот рейсового самолета ИЛ-18 и запро-сил погоду на трассе. Погода была хорошей.

Потом на облако обратил внимание старший инженер Трошин.

Он покачал головой и положил в портфель складной зонтик. На всякий случай.

Затем облако увидел агроном Митрофанов и напомнил председателю, что пора косить сено. А председатель махнул рукой и уехал в район.

Ближе к обеду облако попало в глаза пейзажисту Сорокину, находившемуся за городом на этюдах. Сорокин наметил его контур на картоне, отошел на два шага, прищурился и решил, что оно слишком кричит. И убрал контур.

И последним в этот день облако увидел пятилетний Андрюша. Он остановился и долго смотрел на него, запрокинув голову.

— Смотри, мама, — он потянул маму за палец, — облако. Как настоящий слон.

— Пойдем, пойдем, — сказала мама и потянула его в другую сторону, — а то магазин закроется.

И они пошли дальше. С востока на запад. Андрюша несколько раз оглядывался, но облако направлялось в другую сторону и скоро скрылось.

А дождь в этот день так и не пошел, и старший инженер Трошин совершенно напрасно целый день носил в портфеле зонтик.

ПОГОРЕВШИЙ ФЕНИКС

Первое деяние, ознаменовавшее появление на свободе Кузика В. Н., в рамки Уголовного кодекса не входило. Он проник в помещение сберкассы и с чистой совестью совершил вклад в 1 (один) руб. и 32 коп.

Став владельцем личного счета, Кузик В. Н. внимательно осмотрелся. Леса, поля и реки простирались окрест. Бился в проводах электрический ток. Пузырился чугун в домах. На западе певец Тынис Мяги пел про разбитое сердце свое. На юге дозревали цитрусовые. С востока катились эшелоны с морской капустой. Где-то вакантно маячили руководящие посты. Жизнь была прекрасна и многолика. Заниматься привычным

угоном личного автотранспорта в тесных пределах своей области Кузика В. Н. больше не улыбалось.

И он подался на север.

Туда, где коэффициент, северная надбавка и прямо в небо хлещет из недр черное золото. Взял в дорогу лишь небольшой чемоданчик.

Были в его дерматиновом чреве полотенце, мыло, белая паста «Мери-Члери» и стопка перехваченных резинкой документов. А именно: паспорт на имя Кузика В. Н., другой такой же, пяток трудовых книжек установленного образца и набор справок на большинство случаев жизни. И еще фотообразики печатей, пузырь с китайской тушью и реликвия непорочного детства — ученическая ручка с пером № 73. Именно ею он теперь врисовал в паспорт штамп о браке с гражданкой, называть которую, чтобы ее не удивить, мы не станем. Не желая обременять бухгалтерии подсчетом холостяцкого налога, сочинил от нее и двух очаровательных детишек.

Тем же способом привел Кузик в желанный вид и сберкнижку, прибавив к уже имеющейся там сумме 17 000 рублей 00 коп. Теперь он вызывал в собеседниках невольное уважение: солидный семейный человек. Никаких порочащих сведений, естественно, не было и во всех пяти трудовых книжках.

И чуть ли не величальной встретили Кузика в Тургуте!

— К нам! — плакатно арканили его жадные до кадров организации со звучными аббревиатурами СУТР, ПСО и ПМК ГПЗ.

— Только у нас! — не соглашались стройуправления за номерами 5, 16, 42, 50, 63 и 78.

— Нет, у нас! — отгирали конкурентов КММУ, Мостоотряд и СМУ НГДУ.

Ни одной из организаций не обидел Кузик. Зарплаты, коэффициенты и надбавки за якобы непрерывный стаж он отдавал во всех. Хотя и малые сроки тянул в каждой — случалось, уже через две недели вышибали его за прогулы и природную склонность к напитку. Но, уподобясь Фениксу, восставал Кузик, вновь и вновь поражая доверчивых в этих краях кадровиков незамутненностью взора и запасных документов. Будто не пришло еще в Тургут чудо XX века — телефон. Глядишь, и попробовал бы он все семьсот тургутских контор, не случись на его пути тринадцатой.

Но не роковая цифра стубила Кузика. Погорел он на собственноручно сострипанной безупречности.

— Как, разве валяются на дороге эдакие кадры? — не представляя, как недалеко он от истины, вскричал начальник спецстройуправления Курищев. И, не сходя с руководящего кресла, подмахнул приказ о назначении Кузика В. Н. на матовответственную должность прораба. В знак же безграничного к нему доверия поручил выдать подчиненным зарплату.

Слаб человек. А сумма оказалась так близка к собственноручно начертанной в книжке...

— Стой! — притормозил Кузик машину. — Душа горит. Дай хоть пообедать. — И навсегда скрылся с глаз водителя.

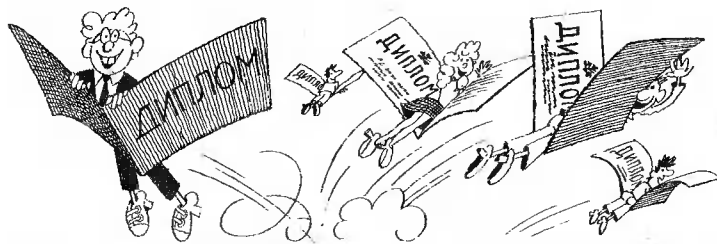
Двое суток напролет гремел тот украшенный шампанским обед.

— А теперь — Тюмень! — Покупая самолетный билет, Кузик лихо сшиб на затылок новехонькую шапку.

Встреча в Тюмени была уже подготовлена. Правда, вместо ресторана «Нефтяник» отправился недогулявший прораб прямо в следственный изолятор.

— На путь исправления и перевоспитания не встал, — констатировали позже судьи, назначая ему побывать на севере еще восемь лет. Но теперь — со строгой изоляцией от всевозможных соблазнов.

Мораль же этой истории можно выразить кратко: «Бди!» Чего остается пожелать начальникам тургутским и — скажем так — некоторым другим.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Группа была дружной. И талантливой. Это отмечали все преподаватели. Один был отличником, он окончил с красным дипломом, и его оставили на кафедре, остальные — просто хорошистами.

Недавно Арсеньев — он всегда подавал большие надежды — выпустил первый сборник. Поговаривают о Союзе писателей. Брюханов ушел в эстраду. Теперь он довольно известный пародист. Васильев сделал фильм о босоногом детстве. Фильм понравился не всем, но пресса была хорошей. А музыку к фильму написал наш Грачев. Впрочем, его песни знают и без этого. Дунаев пробился как карикатурист. Печатается, работает над мультяшками. Егоров сменил несколько мест и осел в балете. Администратором. Елкин ведет передачу по третьей программе. На испанском. Жариков танцует в ансамбле «Березка». Сейчас на гастролях. Зюкин роет какой-то курган VI—VIII веков, есть интересные находки. Говорят, тянет на доктора.

Остальные устроились тоже неплохо. Не жалуются. И неудивительно — группа действительно была талантливой. Не повезло только Яшкину, отличнику. Он так и сидит на нашей кафедре автоматики. Старшим научным. А ведь тоже подавал надежды!

СТАРИК

Пантелеев в третий раз начал страницу, но доносящийся из передней телефонный разговор не давал сосредоточиться.

— Нет. Не знаю, — отчетливо слышался приглушенный рукой голос сына. — Я еще не говорил. Я сказал — завтра. Ну, что еще...

«Да сколько же можно...» — закипел было Пантелеев, но тут трубка звякнула, и Сашка вошел в комнату, держа руки за спиной.

— Слушай, пап, у меня к тебе серьезный разговор.

Пантелеев вздохнул и отложил книгу. Вызывают в школу? Пять рублей на подарок? Выгнали из очередной секции?.. Неприятности другого порядка бывают, кажется, позже.

— В школе что-нибудь?..

— Нет, что там в школе, — безразлично протянул сын. — Нормально в школе.

— Все у тебя нормально, — рассердился Пантелеев. — А вчера Лидия Васильевна звонила — я уж не стал матери говорить.

Сын, скучая, уселся в кресло, перекинул длинные ноги через ручку и устался в сумерки за окном.

— А, эта... Жаловалась?

— Не жаловалась — советовалась. Не интересуешься ты ничем. Что ты, собственно, думаешь, а? К чему готовишься? Да я в твои годы... — Пантелеев чуть было не ляпнул про вагоны, но вовремя вспомнил, что никаких вагонов, пожалуй, не было. Да и вообще, разве в этих дурацких вагонах дело? А в чем? И он растерянно посмотрел на сына.

— Ну, — с обычной иронией поинтересовался сын, — что ты в мои годы? Вагоны, небось, грузил?

— Да не в вагонах дело. — Пантелеев махнул рукой. — Ладно, за-
нем.

Помолчали, глядя в окно.

«Вырос-то как, — подумал Пантелеев, рассматривая сына. За лето Сашка похудел, прибавил восемь сантиметров, на губе обозначился пушок. — А все-таки в меня, стервец, пошел, в меня». В сумерках лицо сына показалось ему бледным.

— Как ты себя чувствуешь? Здоров? Плавать не бросил?

— Все нормально, батя. — Сашка скрипнул креслом. — Ты не волнуйся, все нормально.

— Ладно, что там у тебя?

— Да так, ничего особенного. Мне тут принесли... — он быстро достал из-за спины скрипящий полиэтиленом сверток и протянул Пантелееву.

Пантелеев взял скользкий пакет, подержал немного, узнавая, — господи, время-то как летит, давно ли сам приходил к отцу с таким пакетом, и вытряхнул из него тускло-голубые — ну и цвет! — штаны. Лицо его сделалось хмурым.

— Слушай, что же это такое, а?

— А ты не видишь? — Сашка напряженно следил за Пантелеевым. — Джинсы.

— Это джинсы?! Ты хоть понимаешь, что говоришь? Джинсы. — Пантелеев усмехнулся. — А это что такое, а? Нет, ты мне объясни, зачем это? И строчка белой ниткой — это же курам на смех. А цвет? С каких пор такой цвет? Ерунда какая-то! Где ты это взял?

— Женьке привезли. Он говорит — то, что надо. Ты, батя, просто не в курсе.

— Женька! Какой-то Женька меня учить будет! — Пантелеев подержал молнию. — А почему тут кнопка? Почему не пуговица? Ну-ка надень. Сашка мгновенно натянул обнову.

— Да они тебе велики на шесть размеров! Они и маме-то велики будут. Пугало, просто пугало.

— Ничего ты не понимаешь! — обиженно закричал Сашка. — Так и надо. Ты... Ты отсталый... старик...

— Нет, так не надо! — закричал Пантелеев. — Не надо! И превращать тебя в чучело я не дам! Не позволю! Вот, смотри, — он бросился к темнеющей громаде шкафа, распахнул дверцу. На пол посыпались старые газеты, грамоты, паспорта бытовой техники. — Смотри! — Он достал черный фотографический пакет, выхватил снимки. — Вот как надо, видишь? Это мы с мамой в Ялте, после свадьбы. Ах, какие «левиса» у нее были! Настоящие, цвета южной ночи. Ей проходу не давали. А вот я. Видишь, ничего лишнего, ни складки. Меня не пускали на экзамены, а я все рав-

но носил. Плевать я хотел! Вот что такое настоящие джинсы! А это... — Пантелеев потер грудь под рубашкой и уселся. — А карман этот неизвестно где, он-то зачем?

Сашка, поддерживая руками штаны, молчал.

— А тебе самому-то нравится?

Сашка молчал.

«А все-таки в меня, — тепло подумал Пантелеев. — Упрямый. Хороший, кажется, парень вырастет».

— Ладно, — он убрал фотографии. — Тебе жить. Если нравятся — бер. Деньги я дам.

— Спасибо, — заулыбался Сашка, обозначив ямочки на щеках. — Так я позвоню?

— Звони, звони, — махнул рукой Пантелеев. — Сашка, — остановил он сына уже в дверях, — отпори ты хоть этот дурацкий карман, ладно? Для меня.

— Ладно, ладно, не волнуйся. — И сын скрылся за дверью. Было слышно, как он накручивает диск.

В комнате стало совсем темно. Пантелеев хотел было включить свет, но раздумал; читать не хотелось, да и книга была читанной еще в детстве. Вот если б заново!.. И Пантелеев остался в темноте. Он сидел, прислушивался к звукам большого многоквартирного дома и улыбался.

Один ничем не примечательный гражданин — Совков его фамилия — получил премию. И решил порадовать жену подарком. Не какой-нибудь парфюмерной новинкой производства Москва — Париж, а настоящими сапогами. Такими, знаете, ладными сапожками на «манке», размер 23,5, цвет беж — под пальто.

— Сапог навалом, то есть в ассортименте, — буднично сообщили Сов-

кову в магазине. — Но особенно хороши, конечно, не импортные, а вот эти, местной обувной фабрики. Первый сорт сапожки! Может, желаете еще туфельки — «балетки» или кроссовочки?

От кроссовок слегка ошарашенный супруг отказался и поспешил домой предьявлять покупку.

— Милый, где ты раздобыл эти сказочные сапоги? — восторженно вскричала супруга, примерив обновку. — В нашем магазине, да еще без очереди?! Не может быть!

Согласимся: не может. Конечно же, вся эта малоправдоподобная сценка могла произойти только в воображении человека, вконец озверевшего от магазинной беготни. Обувная реальность куда прозаичней. Имеем, допустим, на прилавке туфли требуемой сезонности и даже подходящего фасона — нет искомого размера, есть размер — не та полнота, подходит полнота — никуда не годится цвет, годится цвет — не та высота каблук... Что делать, богатым ассортиментом обувные магазины нас пока не балуют. А между прочим, этой самой обуви у нас выпускается по три с половиной пары на брата. Ежегодно. Жуткое количество! Особенно если представить, сколько народа из года в год не может купить и одну приличную пару!

Оно и понятно: обуви красивой и модной в этом океане сапог и ботинок всего ничего. А еще и качественной — и того меньше. Нередко приходится возвращать в магазин туфли, вышедшие из строя уже через два-три дня носки.

Впрочем, торговля с удовольствием побаловала бы нас широким ассортиментом первосортной обуви. Да, видно, такой ассортимент обувщикам эпохи НТР пока не по силам. Фабрики, выпускающие приличную обувь, можно пересчитать по пальцам одной ноги, и в очереди за ней не устоит и матерый театрал, способный оддежурить у театральной кассы три ночи кряду.

Что делать, сложен современный башмак — подметка там, союзка, штафирка!.. Диву даешься, как это раньше тот же башмак от колодки до набойки в одиночку мастерил сапожник-кустарь... И неплохо мастерил! Может, оттого, что отвечал за каждую пару тоже единолично? А где сыскать виновников теперь, когда над одной-единственной парой башмаков напряженно трудятся десятки полнокровных НИИ, КБ и т. д.?

— Это же инквизиторский испанский сапог! — костерим мы обувщиков, с облегчением переобуваясь в шлепанцы. — Далеко в таких туфлях не уйдешь!

— А мы при чем? Такие колодки смежники дают, — отвечают изготовители пыточных туфель.

Смежники, понятно, ссылаются на модельеров:

— А мы что? Колодки — дело модельеров.

— А у нас наука, — насмерть стоят модельеры. — Это ноги у вас сплошь нестандартные.

Нет, нет, в теории эта самая обувная специализация выглядит при-

влекательно, как глянцево-рекламный плакат. Законодатели обувной моды сочиняют чудо-модели — красивые, удобные, модные. Обувщики, ясное дело, млеют от восторга и немедленно включают чудо-модели в свои перспективные коллекции. Смежники, понятно, тут же гибко перенастраивают производство на выпуск исключительно современных подошв, кожаных, фурнитуры. И вскоре с обувных конвейеров начинают партиями сходить великолепнейшие туфли на любой вкус, размер и сезон. И все, даже покупатели, довольны.

Суровая практика выглядит малость иначе. На практике модельеры сочиняют не обувь как таковую, а ее «картинки». Они, бывает, и красивые, да только воплотить эти картинные модели дано не всем. Оборудование для этого имеется лишь на некоторых передовых итальянских фабриках и еще на одной нашей. Так что приходится остальным обувщикам выдумывать модели самостоятельно — пусть поплше, зато по силам. Да и смежники, оказывается, почему-то и не подумали перестроить производство и, как водится, поставят унылую фурнитуру, ветхие нитки, кожаные могильные тонов и подошвы, формы которых восхитили модниц времен черно-белого телевидения. Впрочем, выбора — брать или не брать — у обувщиков все равно нет. Без подошвы башмака не соорудишь.

Разумеется, при таких смежниках им самим работать в полную силу как-то даже неловко. Да и зачем, если есть на кого сослаться! Потому обувщики умудряются и из отличных материалов тачать продукцию, обреченную на уценки и вечное складское хранение.

— А вот дайте нам автоматические и, конечно, импортные линии, тогда и будете иметь первосортную продукцию, — привычно оправдываются они в министерских кабинетах.

И что же? Дали такую вот линию, к примеру, обувщикам из солнечной Грузии. А те в благодарность выдали покупателям такие кроссовочки, в которых и стометровка покажется марафонской дистанцией. Вот и получается, что автоматика — штука, конечно, замечательная, но от необходимости хорошо работать самим пока не освобождает и она. Автоматов, тачающих обувь самостоятельно, обувные ученые пока не изобрели. И, верно, в ожидании таких сказочных машин десятки фабрик продолжают гнать миллионы страшноватых туфель и сапог, так же похожих на красивые картинки модельеров, как фантастический рейд вышеупомянутого Совкова — на скучную обувную действительность.

Впрочем, есть в нашей истории и отрадный момент. Поскольку становится ходовой наша обувь пока не желает, приходится торгам иногда подкидывать в магазин импорт. Такие вот импортные сапоги на «манеж» — теплые, удобные, красивые, цвета беж — и купил как-то в середине лета наш Совков. Одно плохо: пока бегал он за сапогами для супруги, напрочь носил последние свои туфли. Да еще детиски!.. Зиночке подавай новые ботиночки. Светочке — пинеточки, Славику — гусарники... Так что побегать ему еще придется.

ГДЕ ЭТА УЛИЦА?

(Сценарий телефильма)

Большой город. Современный многоквартирный дом улучшенной планировки. Общие интересы у жильцов отсутствуют, никто не здоровается на лестнице. Вечерами в подъезде собираются хулиганы и поют песни. Постоянно моросит мелкий дождь.

На балконе стоит Ученый. Все было в его жизни — две диссертации, три жены, «Жигули», а вот простое человеческое счастье прошло мимо. Ученый потух и, махнув на все рукой, запойно смотрит фигурное катание.

Внизу появляется стайка студентов — бородатых, молодых, полных сил и планов. За спиной — третий трудовой, впереди большая жизнь. С ними Таня.

— Не грусти, папаша, — бросает Ученому один из парней. — Айда с нами на Таймыр.

— Не надо так, — показывая тонкую душевную организацию, говорит Таня и смотрит на Ученого долгим взглядом.

Квартира Ученого. Книжки, пыль, чучело нильского крокодила. Идет парное катание. Внутренне светясь, входит Таня.

— Знаешь, — говорит она, — я как-то сразу полюбила тебя. Где у тебя макароны?

— Макароны в Италии, — грустно шутит Ученый, — и называются они спагетти. А у меня жена. Ты когда-нибудь была в Венеции?

— Я была в Гаграх с мамой, — серьезно отвечает Таня. — А жена тебя не любит. Вон и рубашка у тебя порвалась.

— Это связь времен порвалась, — вновь грустно шутит Ученый, и вдруг, почувствовав что-то особенное, оба смущенно поворачиваются к телевизору.

Квартира Тани в том же доме. За массивной дверью — ковры, антиквариат, хрустальная люстра. У Тани день рождения. В гостях много полезных, но духовно скудных людей. Самый скудный среди них — искусствовед Эдик, Танин жених. Он влюбленно смотрит на Таню, мама — на него, гости смотрят фигурное катание, а Таня смотрит в стену.

— А за этой стеной, — ни к кому не обращаясь, говорит она, — живет очень хороший человек.

— А что он может достать? — шутит кто-то из гостей. Тане становится душно. «Я люблю его!» — кричит она.

— А кем он работает? — спрашивает мать. Сраженная холодной расчетливостью окружающих, Таня бежит к старой учительнице.

Квартира учительницы в том же доме. Репродукции передвижников, фотографии выпускников, зеленая лампа. Старая учительница сразу же все понимает: «Тебе будет трудно, девочка. Я помню его с пятого класса — у него тяжелый характер. Как-то он положил мне в стол лягушку и так и не сознался. А я храню ее до сих пор».

— А сейчас мне легко? — с недетским надрывом спрашивает Таня.

— Оказывается, ты стала взрослой. — Старая учительница достает с полки потрепанный томик малоизвестного поэта и выразительно читает вслух.

Вновь квартира Ученого. Раскрытый чемодан, жена в истерике.

— Я отдала тебе лучшие годы жизни, — кричит она, — а на конгресс посылают профессора Товстолобова. А ты, как всегда, едешь на картошку!

— Пойми, — говорит Ученый, — я там нужнее.

— Хватит! — кричит жена. — Я уйду к Товстолобову, а ты можешь ехать куда угодно! Хоть на брюссельскую капусту.

Хлопает дверь. Ученый остается один. Мелькают фигуристы, скалится крокодил, на стене зловец сверкает отравленный томагавк. Ученый пристально смотрит на него и...

И тут появляется Таня и резко переключает программу. Звучит бодрая песня.

— Я принесла макароны, — нежно шепчет она, — и домашние пирожки. Мама испекла их специально для тебя. А на картошку мы поедем вместе.

Перевоспитавшиеся хулиганы в подъезде дружно подхватывают звучащую из телевизора песню, и она льется все шире и шире. Вот ее запели в одной квартире, потом в другой и, наконец, поет весь большой дом. Распахиваются двери, жильцы выходят на лестницу — здороваются, приглашают друг друга в гости. Все рады за Таню и Ученого.

И только бывшая жена Ученого одиноко стоит на обочине и не может поймать такси.

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Удача — штука капризная. Одному достается автомобиль «ВАЗ-2101», ковер ручной работы или полотно «Утро на строительстве завода ЖБИ», а другим — в лучшем случае по рублю. Зубков принадлежал к последним. «Катится мимо них Фортуны колесо...» Впрочем, капризный характер этой дамы отмечал не только Пушкин. Но это единоклубие Зубкова не грело, хоть и жил он много лет в старом доме с арками прямо над книжным магазином, — ни Пушкина, ни других он не читал класса с восьмого. А может, и раньше. И магазин этот Зубкову не нравился.

«Лучше б «Гастроном» сделали», — думал он. «Гастроном» располагался через дорогу, и, когда приходили гости, это было не очень удобно. А гостей Зубков любил. Гости были одни и те же: Серега со второго этажа и Генка с Шурочкой. Они садились за стол, закусывали, смотрели телевизор. Когда было настроение, пели песни. Про Арлекино и листья желтые.

Так и сидели.

— Ты бы хоть цветной телик купил, — кокетничала Шурочка, подвигаясь к Зубкову.

— Больно надо, — сердился Зубков. — Да и на что купить-то? Мне на следств не оставляли.

— А ты заработай, — жеманилась Шурочка. — Не мужик разве?

Зубков только вздыхал и выходил на балкон.

Внизу у магазина бурлил народ.

«С ума посходили, — думал, глядя вниз, Зубков. — Приличные люди, одеты солидно, а чем заняты? Добро бы импорт давали, а то «Буря мглою небо кроет...» Купи вон «Рубин» цветной да и смотри на здоровье».

— А ты присмотришься, присмотришься, — советовал Генка. — Присмотришься. Знающие люди говорят: книжки — товар стоящий, в гору идет.

В таких вопросах Генка не ошибался, и однажды Зубков забеспокоился:

— Да что с ними делать-то, как подойти!

— Думай, голова, — пыжиковую шапку куплю, — только отшучивался прижимистый Генка.

И Зубков думал.

Как-то выйдя на балкон покурить, он увидел внизу очередь. Это было знакомо, и, решительно сунув в карман последнюю трешку, Зубков сбежал вниз и пристроился в длинный хвост. Скоро по цепочке прокатилось волнение: товар кончился.

— По одной давайте, по одной, — занервничал стоящий за Зубковым мужчина с портфелем. Но его не услышали, и, когда подошла очередь Зубкова, на столе оставалось два последних экземпляра.

— Беру. — Охваченный азартом, Зубков крепко схватил свои первые книжки и прижал их к груди.

Дальнейшее — окруживших его бородачей, просьбы уступить за любые деньги — Зубков запомнил смутно. Ничего не понимая, он только мотал головой и записывал какие-то телефоны. Вырвавшись наконец из окружения, Зубков взбежал к себе, запер дверь и наугад раскрыл одну из книг. Стихи! Его передернуло. Так бездарно угробить трояк. Захотелось бежать вниз и скорей, скорей отдать их за любые деньги.

Тут в дверь позвонили.

— Привет. — Генка по-хозяйски прошел в комнату и сразу увидел покупки. — Ого, вижу, начинаешь шевелить мозгами. Ну-ка, ну-ка. — Он полистал. — Ты смотри! Меня как раз клиент просил. Старик, уступи за пятерку, а?

— Да что обещ! — хотел крикнуть Зубков, но что-то в Генкином тоне его насторожило. — Не знаю, — замаялся он, — я тут обещал кой-кому...

— Молодец! — И Генка хлопнул его по плечу. — Правильно начинаешь. Чую, скоро человеком будешь. Червонец, черт с тобой!

И Зубков понял, что цена настоящая. И отдал. А вечером отдал и вторую. Тоже за червонец.

...Прошло несколько лет. Теперь соседство с книжным магазином Зубкова не раздражает. Наоборот. Он полюбил книгу, у него их три стеллажа. Увидите — ахнете! Но увидеть их непросто. «Зачем наживать себе лишних друзей?» — считает Зубков. К нему, как и раньше, приходят Серега со второго этажа и Генка с Шурочкой. Сидят, закусывают, смотрят телевизор. Цветной, конечно. Когда есть настроение — поют песни. Про барабан и миллион алых роз.

— Ты бы хоть люстру какую купил, — кокетничает, придвигаясь к Зубкову, Шурочка. — А то как медведь живешь. Книжки да книжки.

— Да где ж ее взять, люстру-то? — шутит Зубков. — Нам ведь на следств не оставляли, верно?

И все смеются. Конечно, какие там наследства — все сами.
— Да и зачем? — продолжает он. — Самому мне ведь ничего и не надо. Все людям. — И обводит широким жестом книжные полки.

И все опять весело смеются.
Вот так и живет Зубков в старом доме с большими арками прямо над книжным магазином. А ведь мог бы и в другом, верно? Удача, как уже было сказано, штука капризная.

ГДЕ ВЫ РАНЬШЕ БЫЛИ?

— Можно? — Канареев на цыпочках вошел в кабинет и встал перед полированным столом.

— М-м... — сказали за столом. — Вы кто?

— Канареев, — тихо отвечал Канареев и подал бумагу в трех экземплярах.

— Это что?

— Характеристика, — прошептал Канареев. — Для турпоездки.

— Вижу, что характеристика. Чья?

— Моя, — еле слышно отвечал Канареев.

— Догадываюсь, что не моя, — ответили и посмотрели туда, где находился Канареев. — Ошибка нет?

— Наверное. Машинистка печатала.

За столом вздохнули и углубились в чтение.

— Это еще что такое?!

— Что?

— Вы тут пишете: «... зарекомендовал себя хорошим специалистом». Откуда вы это взяли?

Канареев почувствовал слабость и без разрешения присел на стул.

— Надо писать: «...зарекомендовал себя грамотным, всесторонне образованным специалистом, способным решать самые сложные задачи». Ясно? — сказали за столом и исправили текст.

— А это что?

— Где? — Канареев самовольно привстал со стула.

— А вот где: «...ведет исследовательскую работу». Какую еще работу?

— Ну, мы там в отделе, знаете...

— Знаю. А писать надо: «...ведет большую исследовательскую работу, имеющую важное народнохозяйственное значение». Ясно? — И продолжили чтение. — Ну знаете, да за такие вещи гнать надо. «Принимает участие в жизни коллектива». «Активное участие...»! Понятно? «Является членом ДНД, культсектором... редактором... профоргом... спорторгом...» — За столом вдохновенно исправили бумагу и вытерли лоб. — Учишь вас, учишь. Идите и перепечатайте.

Канареев принял бумагу и вышел за дверь.

— Разрешите? — Канареев вошел в кабинет и положил на полированную поверхность бумагу в трех экземплярах.

— М-м... — сказали за столом. — Вы кто?

— Канареев, — ответил Канареев.

— Это что?

— Характеристика. Для турпоездки.

— Ошибка нет? Ах да, я уже спрашивал. — И за столом углубились в чтение. — Послушайте, это безобразие. «Зарекомендовал себя грамотным специалистом... ведет большую работу... принимает активное участие». Где же вы были раньше? Третий месяц не могу найти человека на место зав. сектором, а тут такие кадры пропадают. Значит, так: сразу после турпоездки оформляйтесь!

И на бумаге появилась размашистая резолюция.

ОТ ЛУКАВОГО

Вообще-то С. П. Яковлев был в атеизме тверд. В бога не верил сизмальства да и черта поминал лишь по застарелой шоферской привычке. А уж о магии, ворожбе и всякой другой дьяволицине знал и вовсе понаслышке. И, верно, не голосни ему как-то на трассе две черноокие де-

вушки — Света и Лида, так и не появился бы в настроенных Сергея Павловича крен к оккультным наукам.

— Что загрустил, соколик? — уютно устраиваясь в просторной камазовской кабине, затараторили красавицы. — Неласково глядит зазноба? Иль обидел придира-автоинспектор? А может, гложет молодца тайная хворь? Только скажи — слово знаем, всякая болезнь бежит от него, как черт от ладана.

Сам Сергей Павлович никакой хворобой не мучился. Но вот у Лены, жены, голова, случалось, побаливала. К докторам же относилась Лена с опаской.

— И правильно! — выслушав сетования водителя, одобрили жену попутчицы. — Дело тут духовное, докторишкам не под силу. Зато как раз по нашей части.

— Веруешь? — появляясь назавтра в квартире передового водителя, спрашивала Света у робеющей водительской супруги. — Нет? Ну, ничего, мы это поправим. Швейная игла найдется? Гляди: беру ее в руки, произношу заветное слово и... — пробормотав что-то невнятное, ворожея разжала грязноватый кулачок, — видишь? Стала иголка из блестящей темной. Теперь веруешь?

Тем временем Лида обрабатывала на кухне водительскую тещу:

— Ноги, говоришь, побаливают? Дело ясное: порча на тебя напущена. Веруешь? Тогда давай иголку.

— Теперь так, — объявили девушки. — Перво-наперво надо достать большие свечи. Штука — десять рублей. И непременно черные. Нынче ночью будем ворожить вам по книге «Черной магии».

— Где ж их взять-то? — ахнули женщины. — Да и дороговато!

— Хорошая ворожба денег стоит! — отрезали девушки. — А достать — достанем. Дальше. Вот вам две подушечки заветные — заверните каждую в тысячу рублей, сегодня поносите на груди, а завтра отдадите нам.

— Да разве ж такие тысячные бумажки имеются? — изумились супруга с тещей.

— Можно и разными купюрами, — терпеливо разъяснили подружки. — Главное в лечении — сумма. Ну, до завтра. Пойдем ворожить.

— Ну как, полегчало? — спрашивали они, появляясь в квартире на следующий день.

— Да пока не очень, — огорченно признались женщины.

— Сразу видно: не достали вы по тысяче, оттого ворожба и не впрок. Ладно уж, поворожим на личных вещах. Только вещи нужны надеванные и по два комплекта с каждой. Хотя у тебя, старая, что-нибудь путное имеется вряд ли, так что поищи-ка у зятяка.

— Да я вроде не хворый, — усомнился Сергей Павлович.

— Тещу не жалко? — строго осадили его ворожеи, доставая полиэтиленовые сумки. — Вот сюда вещички и кладите. Да драгоценности, какие есть, не забудьте. Кольца, сережки, перстенок тоже сгодится. Больше

ничего нет? Ладно, сойдет. Сегодня поворожим, а завтра все в целости принесем назад. Наденете — всю хворобу и снимет. Ну, храни вас бог!

Однако назавтра долгожданное исцеление почему-то не наступило. Не объявились и милые девушки, и Сергей Павлович, нацепив что осталось из одежды, помчал в милицию. На его счастье, подруги были уже там. Их задержали, когда, подозрительно нагруженные, они выходили из его дома. Убедить здравомыслящего участкового, будто мужские костюмы принадлежат им лично, подругам так и не удалось даже с помощью заветного слова.

Зато Сергей Павлович, получив всю собственность назад, не верит отныне ни в бога, ни в черта, а уж в разную магию, о которой знает теперь отнюдь не понаслышке, — и подавно. И тут он — ей-богу! — совершенно прав.

ПУГОВИЦА

Неприятности начались у Ерохина с пуговицы. Пуговицу эту в давке оторвали — в метро или в автобусе — Ерохин не заметил, да и не так это важно. Важно, что пуговица была не простая, а золотая, фирменная. Ходить в импортном пиджаке, у которого и так-то всего две пуговицы, а одной из них при этом нет, как-то неаккуратно. А оторвать вторую и пришить простые — весь пиджак насмарку. Вот и начал Ерохин повсюду искать эти пуговицы — или одну такую или не такую, но две. А их, как назло, нет — ни одной такой, ни двух не таких, словом, никаких. Совсем человек опустился — пуговица оторвана, вид озабоченный. Да еще каждый норовит сочувствие выразить — что ж, мол, жена уж и пришить не может или не до того ей? Женщины начали участливо поглядывать,

на чай звать, а разве откажешься! Тут уж Ерохин совсем утратил моральный облик.

И вдруг в соседний магазин привозят точно такие пиджаки. И пуговицы на них точно такие же. Но отдельно их, конечно, не продают. Только с пиджаками. Вот тогда Ерохин взял и совершил преступление. Подкрался он к этим пиджакам, ухватил первую попавшуюся пуговицу и давай ее отдирает. Дергает, дергает, раскраснелся весь, а она не рвется. Намертво приделана. Он за другую — и та тоже не рвется. Тогда его просто азарт разобрал — стал он эти проклятые пуговицы все подряд рвать. А они и подряд не рвутся. Тут на Ерохина прямо как помутнение нашло.

— А, — кричит он не своим голосом, — им, значит, вы вон как пришили, а мне — так тяп-ляп! Ну погодите, сейчас я вас на чистую воду-то повыведу!

И давай эти пиджаки на пол сбрасывать и ногами топтать. Тут, конечно, девочки из секции сразу набежали, отвлекать его начали: в нашем, мол, универмаге имеется широкий выбор и других товаров. А Ерохин как девочка увидел в халатиках с пуговицами блестящими, сразу давай и с халатиков пуговицы рвать. Да разве оторвешь — сами пришивали, крепко. Ну, девочки, конечно, в крик, заведующую звать. Прибегает заведующая:

— В чем дело, гражданин, в чем дело?

— А в том, — кричит Ерохин, — что пуговицы эти ваши совершенно не отрываются!

А заведующая тоже в крик:

— Как это не отрываются, вы что же это такое, молодой человек, говорите, постыдились бы!

— Правду, правду говорю! — кричит Ерохин и давай и с заведующей пуговицы обрывать. Дергает, дергает, да разве с заведующей что оборвешь! Но та все равно в крик:

— Спасите, помогите, милиция!

А Ерохин так просто в иступление впал.

— А, — кричит, — понашивали себе пуговиц по блату! — И давай со всех подряд пуговицы обрывать. А пуговицы как назло ни на ком не рвутся. Скандал! Ну тут, конечно, милиционер появился:

— В чем дело, гражданин, что за шум?

А Ерохин, как милиционера увидел, так просто обмер: пуговицы у того ну точь-в-точь его собственные — золотые все и блестят. И стал он так тихонечко, по-кошачьи прямо, к милиционеру подкрадываться. Тот даже опешил:

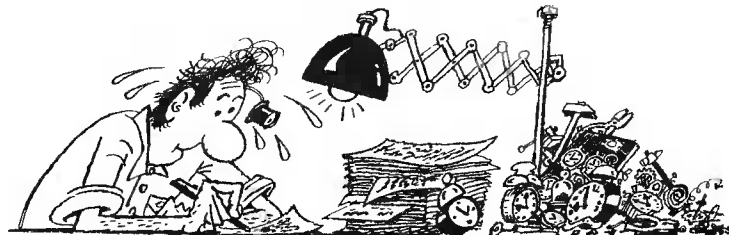
— Вы что это, гражданин?

А Ерохин как закричит страшным голосом:

— А вот что! — Да как бросится прямо на милиционера, хватает того за сверкающую пуговицу и дерг, дерг... И оторвал. Напрочь! И сразу обмяк весь, успокоился, но пуговицу оторванную держит крепко. Даже

когда ему укол сделали, все равно не отпустил. Она у него теперь как талисман, все время с собой носит. А врачи говорят: ничего, пусть носит. Не отнимать же, и без того неизвестно, чем дело кончится. Но надежда, конечно, есть.

Вот и покупай после этого дефицитные импортные вещи!

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

А началось с того, что В. Ф. Орешков люто возненавидел часы. Наручные, настенные, с музыкой и без — словом, всю пропасть этих хитроумных механизмов, в которых он, мастер «Облбыттехники», должен был ковыряться по восемь часов ежедневно. Да еще поминутно выслушивать:

— А вы мою «Славу» действительно прочистили или чистку только в счетик вписали? И стрелочки я просил поменять на анодированные, а вы мне синенькие ввинтили. А?

Стрелочки! Да много ли заработаешь на этих грошовых стрелочках, анкерочках, пружинках!..

Впрочем, часовых дел мастера всегда были людьми изобретательными, и вот однажды, притворив приемное окошко, Орешков выдал коллегам такую идею:

— Время, что мы гробим на прижимистых часовладельцев, — это, коллеги, совсем не деньги. Это нервы. Зато с изготовителей часовой продукции мы легко поймеем настоящие деньги. Скажем, за предторговый ремонт.

Коллеги призадумались. Вообще-то предторговый ремонт — дело выгодное. Работа ерундовая — починить-поправить порастрашенные

в дороге механизмы, а платят заводчане по-купечески, не торгуясь. Да только попробуй тут разжиться! Попадают такие часы в мастерскую раз в год.

— Будем считать, что бракованных часов у нас уйма.— Орешков, как фокусник, распахнул пустую ладошку.— Часы видите? Нет. И завод свои отремонтированные «Полеты» и «Ракеты» в глаза не видит. Завод видит только актив ремонта, а сочинить его при нашей квалификации — дело секундное.

Время показало хронометрическую точность этого расчета. Три года три умельца, подключив членов семей, занимались вдохновенным сочинением липовых актов. Если верить этим сочинениям, умельцам удалось вернуть к жизни тысячи часов всех отечественных систем и калибров. Но изготовители приборов точного времени, получая эти «документы», верили ремонтникам безоглядно. И платили за «починку» часов-призраков, не затрудняя себя формальностями вроде сверки номеров. За что умельцам и натикало с заводов несколько десятков тысяч рублей.

Да и другие шестерни этого механизма тоже ни разу не заклинило. Хотя кое-какие трущиеся части приходилось и подмазывать. Да, совсем не за красивые глаза магазины снабжали часовщиков назапуганно чистыми бланками ремонта. Зато вполне осведомленное руководство мастерской подмаживало уже заполненные бланки с охотой: за высокие показатели руководству набегали неплохие премиальные.

Словом, неизвестно, когда бы еще кончился завод у этого отлаженного механизма, не наведайся однажды в мастерскую ревизоры. Тогда и закрутилась другая неумолимая машина: следствие — суд — срок. Составивший на троих ровно пять календарных лет с конфискацией.

Все это хорошо, но задумаемся: в чем же главная пружина этого жульнического механизма? Ну хорошо, ленивые бухгалтеры всех без исключения часовых заводов не проверили документы. А службы контроля качества?.. Почему не беспокоились они, когда новенькие, не отслужившие и секунды гарантийного срока часики стали вдруг выходить из строя целыми партиями? Не оттого ли, что они и сами знали цену своих гарантийных обязательств?

Конечно, ничто не вечно под коварной луной, не вечны и часы. Как, впрочем, и другие наши домашние приборы: холодильники, телевизоры, магнитофоны... Но не слишком ли быстромерно их существование, если порой лишь считанные часы отделяют радость покупки от визита в гарантийную мастерскую? И, кстати, почему в мастерскую?

Конечно, о таком волшебном сервисе, когда изготовители будут с извинениями и прямо на дому менять свою нетикающую, неговорящую или нестирающую продукцию, можно пока только мечтать. Будем реалистами. Не надо извинений, мы даже согласны обменивать продукцию сами. Но через магазин, как это принято с бракованной обувью, а не через мытарства по мастерским для получения вожделенной обменной справки.

Нет, так нельзя, авторитетно объяснили мне в высших часовых инстанциях. Берите в мастерской справку, отсылайте часики на завод, может, и обменяем. А начини менять с ходу, у прилавка, так несознательные покупатели станут чуть ли не нарочно швырять об пол поцарапанные или разонравившиеся им брегеты, лишь бы заполучить новенькие!

Но, увы, основная причина поломок, как прекрасно знают сами часовщики, — это совсем не небрежность покупателей, роняющих часики почем зря. Это применение недоброкачественных узлов, банальные нарушения технологии сборки и регулировки. То есть такие тайные часовые пороки, которые обязаны выявить и устранить еще на заводе, а не в «гарантийке». Но не выявляют и не устраняют — некачественно собранные из дефектных узлов механизмы беспрепятственно покидают заводы, обнаруживая свои изъяны уже после покупки. Но зато теперь ответственность за их работу несут мастерские. Очень удобно! Тем более что гарантийный ремонт не стоит часовщикам ни копейки — его стоимость предусмотрительно заложена в стоимость новеньких механизмов. Так что за неважную работу часовщиков покупателям приходится расплачиваться и деньгами, и временем на визиты в мастерские. Которые качеством ремонта тоже не балуют.

Вот этот неотлаженный механизм и позволил умельцам «Рембыттехники» получить от реализации своей идеи немалый «экономический эффект». Который, к слову, мог бы быть и большим. Ведь сочини они счетик на ремонт лондонского «Биг Бена» — часовщики не глядя подмахнули бы и его!

НОВИЧОК

Пришел к нам в отдел новый сотрудник. Все честь по чести — поздоровался, представился, сел за стол, разложил бумаги и начал работать. Сидит себе и работает. И молчит. Мы тоже молчим, а сами думаем: «Интересно, что за человек этот новенький? Как-то он у нас приживется?»

Первым начал Воробеев, болельщик-профессионал:

— А как, — говорит, — наши-то вчера на семнадцатой минуте, а?! — А сам с новичка глаз не спускает.

А тот достает себе блокнотик и начинает в нем писать что-то. И молчит.

Тогда за дело Сидоренко взялся:

— Я, — говорит, — на прошлой неделе местечко разведаль: грибов там — хоть косой коси, — и смотрит.

А новичок включает в сеть настольный калькулятор «Искра» и начинает на нем считать. И молчит.

Делать нечего — выпускаем Комарова.

— Правильно отрегулированный карбюратор, — начинает Комаров, а сам волнуется, — позволяет снизить потребление горючего на 20 процентов, а токсичность выхлопа — аж на все 50!

А новенький достает миллиметровку и начинает на ней график какой-то строить. И молчит.

Не выдержал Комаров, кричит уже:

— И мы таким образом получаем огромную экономию и охраняем от загрязнения окружающую нас среду! — И смотрит: как?

А новичок хоть бы что! Молчит.

Поблуднел Комаров, затрясся и выскочил из комнаты. Мы за ним. Стоим, кривим. Настроение — хуже некуда.

— И что за человек! — говорит Комаров, а у самого аж руки ходуним ходят. — Ничего-то его не интересует, ничего-то ему не нужно! На экономию ему наплевать, на экологию тоже.

— Природу не любит, это точно, — говорит Сидоренко.

— И за спортсменов наших душа у него не болит, — добавляет Воробеев.

— Да ни за что она у него не болит, — волнуется Комаров.

— Ему и на отдел плевать! Не знаю, как вы, а я с ним не работаю. Это точно!

— И я! — говорит Сидоренко.

— И я! — соглашается Воробеев. И остальные — тоже.

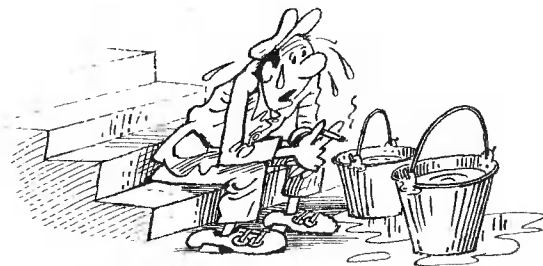
А тут как раз начальник выходит.

— Ну, как вам новенький? — спрашивает. — Сработаетесь?

— Нет! — отвечаем мы. — Не проявил он себя, как-то не видно человека. Думаем, не сработаемся!

Так и вышло.

Мы теперь работаем в других местах.

ТОГДА И ЗВОНИТЕ

— Товарищ Корякин?

— Да, да, это я.

— Это у вас уже неделю нет воды?

— У меня, у меня.

— Ладно, будет у вас вода.

— Ой, спасибо! А скоро?

— Скоро, скоро, слесаря уже вызвали. У вас какая квартира?

— Квартира? Квартира светлая, просторная. Хорошая квартира, только уборка требуется. Без воды разве жизнь?

— Номер, спрашиваю, какой?

— 92. А зачем номер-то, во всем доме воды нет.
 — Вот человек. Может, вам вода и не нужна?
 — Как не нужна? Очень даже нужна. Посуду помыть, самому...
 — Ну, хорошо, хорошо. Будет вода. Сколько вам ее нужно-то?
 — Как это сколько?.. Я думаю...
 — Думать будем мы. Ладно, два ведра дадим.
 — А почему только два?
 — Почему, почему. Да потому, что слесарь больше двух никак не несет. Рук-то у него не десять, а две. Ясно? Какой этаж?
 — Что, что?
 — Я говорю, этаж у вас какой? Живете где?
 — Двенадцатый у меня. На двенадцатом живу.
 — А лифт имеется?
 — Лифт-то? Лифт-то имеется. Да только не работает он. Так что придется вашему слесарю пешочком.
 — Ну, нет. Мы за чужие недостатки отдуваться не собираемся. С ведрами — на двенадцатый этаж! И куда только диспетчер смотрит! Безобразие! Ладно, скорейшей вам починки!
 — Стойте, стойте! А когда же будет вода?
 — А как лифт пустят, так и принесем. В момент. Мы-то свое дело знаем. Только звякните. Телефон-то пока работает. — И в трубке раздались короткие гудки.

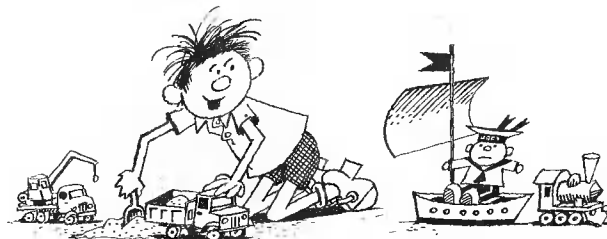
ФАТАЛИСТ

— Загадочная штука эта жизнь, — размышлял Клюев, глядя на бегущие по стеклу дождевые капли. — Моя, например. Ведь родился я всего на месяц раньше, не в сентябре, а в августе — было бы все теперь совсем по-другому.

Тут за спиной Клюева в восьмой раз грянул свадебный марш. Клюев поморщился и не обернулся.

— Да, совсем по-другому. В школу пошел бы на год раньше. Значит, не познакомился бы в девятом с Танечкой и не стал бы поступать с ней в один институт. Пошел бы по призванию. И не провалился бы, а поступил бы с первого захода. И в том, другом институте, который мне никогда не нравился, не встретил бы Любочку. И не нахватал бы из-за нее двоек. И не выгнали бы с третьего курса. И не болтался бы я тогда все эти годы зря. Не уехал бы в то лето на юг. Не встретил бы там эту Катю. И не женился бы на ней никогда. И тогда... и тогда незачем было бы сейчас разводиться, делить книги, мебель, квартиру и стоять в этой бесконечной очереди, — действительно, очередь в комнату, где Мендельсона не играли, ползла куда медленней очереди с Мендельсоном.

За спиной Клюева в девятый раз грянул марш, и он опять не обернулся. Прижавшись лбом к холодному стеклу, он смотрел на дождь.

СРЕДА, КОТОРАЯ НАС ОКРУЖАЕТ

А началось все с новой квартиры. Получил я эту квартиру, выглянул в окно, а там, сами понимаете, никакой окружающей среды: автобусы, троллейбусы, сплошной городской пейзаж. А хочется воздуха, запаха сосны. Естественности, словом.

Хорошо, думаю, будет сосна. На одну стену клею «Утро в сосновом лесу» — знаете, обои такие специальные. Теперь по утрам набираю полную грудь целебного воздуха и ныряю в море — оно на другой стене. То же, конечно, на обоях, но освежает прекрасно.

На полу линолеум «под паркет» — мокрым ногам холодно. Так я его сверху паласом «под ковер». Слева ромашки, справа камешки. Тепло и эффект присутствия. Дверь внутри вроде деревянная, но сверху краска. Ничего, я на нее пленку «под дерево». Стала как насто-

ящая. Стены — кирпич, но тоже незаметно. Я и их «под кирпич», пленочкой. И сразу стало вполне обитаемо, даже уютно. Особенно когда солнце садится в море и освещает косыми лучами сосны на противоположной стене. Зимой закат рано, так я даже с работы отпрашиваюсь пораньше, чтоб не пропустить. Хорошо успокаивает и настраивает на серьезный лад. Так и хочется размышлять о жизни и читать хорошие книги — ими, кстати, вся третья стена оклеена. Жаль только, непонятные — обои, сами понимаете, импортные. Ничего, учу языки.

Прошлым летом что-то внутри схватило — решил в Кисловодск махнуть. Бегал, бегал — нет путевок. Зато достал для кухни прекрасный плакат с видом на минеральные источники. В сочетании с подогретым «боржомом» очень даже помогло.

А недавно пацану нашему пианино купили. Хорошее пианино — моющееся и самоклеющееся. А он — в рев. «Братика, — кричит, — хочу!» И жена тоже насчет братика намекает. «Ладно, — говорю, — сделаем братика». Пошел и купил. Мальчика в матроске, артикула не помню, а сорт — первый. Теперь сынишке есть с кем играть. А если сестренку запросит, так к концу месяца девочек в сарафанах выбросить обещают.

Так что дома у меня теперь полный порядок.

НЕРОДНЫЕ ДЕТИ

(Современная драма с хором покупателей)

Картина первая

Наши дни. Областной город Энск. Строгий кабинет. За столом восседают руководители местных предприятий. Это Совет директоров.

Председатель Совета. Я собрал вас, товарищи, чтобы сообщить пренеприятное известие: с выпуском товаров народного потребления в нашей области дело дрянь.

Хор покупателей за сценой *(требовательно)*. Больше хороших товаров!

Председатель *(продолжает)*. Потому приказываю: директорам (присутствующие в панике прячутся друг за друга) сталепрокатного и приборостроительного заводов выпуск названных товаров утроить! Выполняйте!

Свет меркнет. Слышится речитатив:
«Нет сырья... Нет оборудования... Нет помеще...»

КАРТИНКА С ВЫСТАВКИ

Элегантная металлическая мебель. Наборы всевозможных инструментов.

Кухонные комбайны и другие современные товары, представленные на ежегодно проводимой торговыми базами выставке. Их вполне могли бы выпускать энские предприятия.

КАРТИНЫ ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ

Энский сталепрокатный завод. Проволочный цех. Завывают волочильные и перемоточные станы. По цеху с катушкой проволоки крадется начека товаров народного потребления Молохов.

Молохов *(озираясь)*. И кто только выдумал эту безотходную технологию! Отходов все меньше, а хорошей проволоки мне почему-то не дают. Интересно, почему? *(Взывая к далекому главному)*. О дайте, дайте мне фонды на сырье! *(Обращаясь к торговым базам)*. А почему не обеспечиваете нас материалами вы, продающие нашу продукцию? *(Адресуясь к председателю)*. А почему вы, спрашивающий с нас план, не спросите, есть ли у нас оборудование?! *(Поворачиваясь лицом к покупателям)*. Как, из чего, на чем буду делать я хорошие товары?

Хор покупателей *(настойчиво)*. Больше, больше хороших товаров!

К Молохову незаметно подкрадывается начальник проволочного цеха Гуслин.

Гуслин. Попался! Положь катушку на место!

Молохов *(пытается скрыть катушку в складках спецодежды)*. А где мне взять такую проволоку?

Гуслин *(злоюще хохочет)*. Возьми на свалке. Ха-ха-ха! *(Уходит с катушкой)*.

Молохов собирает никуда не годные обрывки проволоки и, вздохнув, отправляется делать из них никуда не годные вешалки и крючки.

Затемнение.

Энский приборостроительный завод.
Кабинет директора Пуплика.

Пуплик (*тихо*). Электромоторчик для этого... для миксера достал? Начеца товаров народного потребления Фыкин (*еще тише*). Откуда? Разве министерство даст!

Пуплик (*задумчиво*). Значит, кофемолку или там миксер нам не потянуть. А пьезоэлемент раздобыл?

Фыкин. Раздобыл латунь. И больше ничего.

Пуплик. Из ничего и выйдет ничего. Что делать?

Фыкин. Чеканку. Кубки. Можно пистолет.

Пуплик (*страшно пугается*). Зачем это? Для чего?

Фыкин. Для детей.

Пуплик (*обреченно машет рукой*). Валяй!

Затемнение

На сцене многопредметная композиция: «Леда и лебедь», «Девушка с веслом», «Женщина, которая пока еще поет» (латунь, бездарная чеканка). Амбирные кубки, хилые вешалки, допотопные сбивалки, слабые крючки и другие бесполезные некачественные товары, которые сегодня неизвестно зачем выпускают энские и другие предприятия. И будут выпускать до тех пор, пока цеха товаров народного потребления будут находиться в положении неродных детей — без сырья, оборудования, помещений и крепкого хозяина.

Хор покупателей (*сердито*). Больше хороших товаров!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ, ПОХОЖАЯ НА ПЕРВУЮ

Председатель. Довожу до сведения Совета директоров: с выпуском товаров народного потребления в нашей области дело по-прежнему дрянь. Потому прика...

Тут сделанные из некачественного сырья крючки не выдерживают, и занавес с грохотом падает.

ЛАВИНА ИНФОРМАЦИИ

Все жалуются — засилье информации, коммуникации, телевидения — никакой личной жизни. А мне нравится. Пульс жизни слушаешь, дыхание планеты.

Слышу, что-то такое в Африке, в южной ее конечности. Значит, есть она, Африка эта, есть. И не только в учебнике географии или в книжке про Бармалея. Третьего дня в универсаме дубленки давали. По записи, ясное дело, но давали. Это радует.

Читаю: виновные наказаны. В другом, конечно, городе, но все равно приятно — наказывают. Заведующего сняли. Поделом! Хапуга привлечен. Жаль, один, но тоже как-то веселей. Водителю такси указано. Куда не знаю, но и на том спасибо.

Делегация выехала, для обмена опытом. Ездят, меняются. Молодцы! В театре премьера, приняли хорошо. Значит, кому-то повезло с билетами. Рад за вас! Новую модель выпустили. Наверняка кто-то купит. Новый дом сдают, в хорошем месте, соответствующей планировки. Кто-то въедет, не пустому же стоять. Авиалиния пущена — Москва — что-то такое, с посадкой в двух столицах. Полетит народ, не пустую же машину гонять. Наш спецкор передает. Молодец, сам видел.

Вчера сосиски прямо передо мной кончились. Но передним-то досталось, верно!

А сегодня прихожу на работу, а мне говорят:

— Что-то вы неважно выглядите.

Думаете, расстроился? Ничего подобного. Выгляжу — значит существую. И целый день был в отличном настроении.

САМОДУР

Всем остальным он почему-то сразу не понравился. Особенно улыбка. Открытая такая, обаятельная. Свой, мол, парень.

— Знаем мы, — многозначительно заметил во время первого перекура Козаев, затейливо сминая беломорину. — Мягко стелет, да сидеть жестковато.

— Да уж, — подхватил Шинский, затягиваясь ядовитым руном. — Знал я одного — тоже все улыбался, а каждую бумагу ему по три раза перепечатывали.

— Да вы что, мужики, — вступился я, — это же Мишка Пантелеев, мы с ним в факультетской сборной вместе играли. В волейбол. Хороший парень, без дураков. И по делу. Кстати, участница спортивных состязаний, шесть букв — кто знает?

— Все они по делу, — возражает выдавший виды Козаев, — до поры до времени. А как выбьется такой в начальники — и поехало. То поля ему маленькие, то интервал не тот. Намучаемся еще.

— Да нет, — говорю, — Мишка не такой.

— Все они сначала не такие, — говорит Шинский и аккуратно тушит сигаретку о край урны. — Поживем — увидим.

На том и разошлись.

Прошло несколько дней. Отдельская жизнь потекла своим порядком, но обстановка оставалась нервной.

— Присматривается, — прокомментировал Козаев. — Смотрит, откуда удар получше нанести.

— Да уж, — подхватывает Шинский, — знал я одного. Также все присматривался, присматривался, а потом — бах!.. Наглядная агитация

у вас, мол, ни к черту, плакаты плесенью поросли. Две недели потом всем отделом стенгазету рисовали.

— Да бросьте, — говорю, — мужики. Человек в курс дела ходит, ему в работе разобраться нужно. Вы лучше скажите — популярная эстрадная певица, восемь букв. Пугачева годится?

— Знаем мы, — говорит Козаев, — какая работа ему нужна. Показатели ему нужны, а не работа. Впрочем, время покажет.

Так и вышло. Выскакивает он через несколько дней в курилку, сияет:

— Ну, что я говорил! Так и есть — самодур. Вот послушайте. Прихожу я к нему с месячным отчетом, прочитал он и морщится: плохо, мол. А я говорю: пожалуйста, могу и перепечатать. А он говорит: перепечатывать не надо, бумага в дефиците, а вот ошибки исправьте. И грамматические. и арифметические. И вообще, когда работать начнете по-человечески? Ну, каков!

— Да уж, — подхватывает Шинский, — так и есть самодур.

— Да бросьте, — говорю, — мужики. Правильно он говорит. И про бумагу, и про остальное. Вы мне лучше скажите — предмет женской одежды, много букв — это что за штука?

— Ну-ну, — говорят Козаев и Шинский и тихонечко в сторону отходят. Обиделись. А чего обижаться-то?

А потом и Шинскому досталось. Сунулся он к нему со своей стенгазетой — статью написать «За ударный труд», а тот ему: вы когда собираетесь свой отчет сдавать? По теме ПО-320. Два месяца как срок вышел. Ну, Шинский — то-се, общественные нагрузки, мол, заели, а тот ему: два дня даю, а не сделаете — пеняйте на себя. Вот так. Я же говорил — правильный он мужик, по делу. Мне такие нравятся.

Тут и лето подошло. Пора законных отпусков. И путевка горящая подвернулась. На Золотые Пески.

Написал я, как положено, характеристику и приношу ему на подпись. Посмотрел он и говорит.

— Это что у вас? А, характеристика. Ошибок, надеюсь, нет.

— Откуда, — говорю. — Машинистка печатала.

— Ну хорошо, — говорит и колпачок у ручки отвинчивает.

— Да вы, — говорю, — хоть прочитайте.

— Никогда мне, — отвечает он, — ерундой всякой заниматься. Да и что я ее читать-то буду, если ее и без того никто не читает.

Тут мне даже как-то обидно стало.

— А может, — говорю, — добавить чего захотите. Я вот написал там «ведет исследовательскую работу», а слово «большую» пропустил, а в том месте, где сказано «принимает участие», мне кажется нелишним эпитет «активное».

Посмотрел он на меня удивленно и спрашивает:

— А что ж сами-то не написали?

— Я, — отвечаю, — мог бы, конечно, и сам написать, но хотелось бы, чтобы это от вас происходило. Сверху, так сказать.

— Значит, всю правду про себя хотите?
 — Хочу, — отвечаю. — Всю правду.
 — Ну хорошо, — говорит он. — Зайдите через полчаса. Все как есть напишу.

И написал! Все как есть. Пришлось мне в этот год в Подмоскowie отдыхать. А еще улыбается!

Впрочем, что с него взять? Правильно про него Козаев сказал — самодур! Человек, отличающийся крутым нравом, деспот, семь букв.

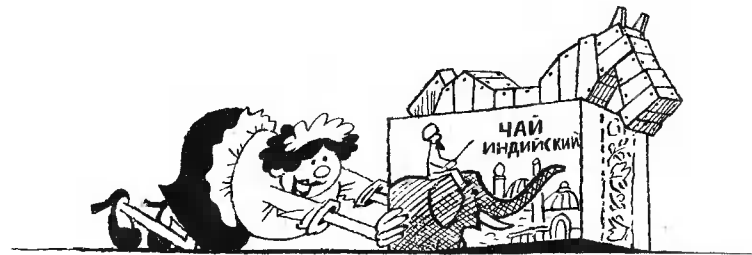
СОН

Штукину, средних лет старшему инженеру, отцу семейства и жителю большого города, приснилось, будто он — пятнадцатилетняя, рыжеволосая и озорная дочка паромщика. Стоял теплый, мягкий август, пахло сеном, а Штукин сидел на пристани, грыз яблоко и болтал в воде босыми ногами с ободранными коленками. Лето было длинным, жизнь казалась бесконечной, и Штукин, глядя на зеленую воду, думал, как он наденет голубое платье и пойдет в школу, а все мальчишки будут провожать его взглядом. И еще мечталось Штукину о чем-то не очень ясном, но обязательно большом и хорошем, что еще обязательно случится в его жизни, и от этих мыслей сладко замирало его сердце. И тут Штукину мучительно захотелось не просыпаться, чтобы идти на работу, а нырнуть в теплую и зеленую воду, отфыркиваясь, вынырнуть и поплыть саженьками на другой берег, вылезти на горячий песок, зарыться в него и, закрыв глаза и раскинув руки, подставить лицо солнцу...

Днем Штукин так замотался, что забыл и сон, и вообще все на свете. А к вечеру, когда жара стала уже совершенно невыносимой и каждое лишнее движение казалось подвигом, изнемогающего от жары Штуки-

на вызвали смежники, у которых вечно что-то не ладилось, и, проклиная все на свете, он отправился к ним. Идти было недалеко, через маленький скверик, в котором лет пятнадцать назад, в совсем другой жизни Штукин поджидал с работы Ирочку. Потом рядом построили большой дом, скверик съезжился, а Ирочка вышла за другого. Одно осталось неизменным — мороженщица с голубым ящиком на углу. И при виде голубого ящика у непообедавшего Штукина так засосало под ложечкой, что он купил сразу четыре порции сладкого и липкого мороженого по семь копеек и залпом съел их, присев на той самой лавочке. И, доедая последнюю порцию, Штукин вспомнил сегоднешний странный сон, представил, как хрустит под ногами нагретый песок, и решил, что, как только он разделается и со смежниками, и с химчисткой, и со всеми остальными бесконечными делами, обязательно поедет на пляж и проведет там целый день, купаясь, загорая и ни о чем не думая. И стало от этой мысли Штукину так хорошо, будто ему и в самом деле пятнадцать лет.

А на лавочке напротив сидела задумчивая рыжеволосая девочка с сумкой, полной непрочитанных учебников, и грызла яблоко. У девочки болело горло, мороженое было под запретом, а впереди были бесконечные экзамены, зачеты и масса других хлопот, которыми заканчивается детство. Сердито глядя на безмятежного Штукина, она думала, что вот как хорошо быть взрослым, когда все-все экзамены уже позади, когда все уже ясно и понятно и можно вот так спокойно сидеть на лавочке, шурить на солнце и есть мороженого сколько хочется.

ЧАЕПИТИЕ В ПОДСОБКЕ

Как только строгая табличка возвещала обед, коллектив магазина № 44 стекался в подсобку. Под уютный посвист чайника говорили о сокровенном.

— Собачья работа,— усевшись на ящике с макаронами, сетовала товаровед Лекалова.— Возьмем гастронорм... Телятинка, салями, осетровые: не торговля — праздник! А что возьмешь с нашей постылой бакалеи? Конфетки-бараночки... тьфу! Если бы не чай...

— Да уж, чай,— вздыхали коллеги.— В смысле сосудорасширения он, конечно, ничего, сойдет. Но в универмаге все-таки интересней. В универмаге прекрасно все: и одежда, и обувь...

— Вино — воды — вот самое милое дело! — залпом осушая пиалу с чаем, возражал подсобник Тархунов.— В этом чае разве тонус!

— Разве аромат! Вот в парфюмерии — там букет так букет! — Но кривили, кривили душой люди в синих фирменных халатах, сетуя на скудную долю бакалейщика. Потому что чай... О, чай в тамошних знойных краях почитаем не меньше, чем в сыкотном Альбионе.

Чай, конечно, подразумевается черный, байховый, индийский. И именно этому сорту отдавали предпочтение рядовые труженики бакалеи. Но самой пылкой поклонницей этого напитка была директор Барханова, ценившая в нем не пустяковые витамины, теины и ароматы, а одно действительно полезное качество, о котором чуть позже. Пока же перейдем прямо к делу — к тому цветущему майскому вечеру, когда в подсобку завезли полтора десятка ящиков первосортнейшего чая.

Правда, все пятнадцать до подсобки не доехали. По дороге с базы товаровед Лекалова закинула пару ящичков домой — себе и ближайшим родственникам.

А что вы имеете против, уважаемые товарищи покупатели? Работать у источника и не напиться! Чай-то, повторяем, был первосортный, со слонном.

Да и стоит ли говорить о какой-то паре ящичков, если остальные тысячи пачек тоже так и не увидели света торгового зала. За какие-нибудь час-полтора их продали, не выходя из подсобки.

На этой ужой распродаже бакалейщики не пожалели средств. Взяли пачек по пятьдесят, а то и по сто. Даже уже отоварившийся товаровед не удержалась и прикупила еще.

Но, конечно же, самые смелые оптовые закупки сделали гурманы из числа директорских знакомых: пачек по двести-триста, а то и по ящичку. Ясное дело, отправлять после этого в розничную продажу было просто нечего.

И напрасно. Хоть пол-ящичка полагалось бы оставить и для покупателей. Как в прошлые заводы, когда бакалейщики смело выпускали малую часть чая в продажу. И все были довольны. А на сей раз до разоблаченных покупателей дошел лишь чайный запах. Да еще Тархунов не вовремя сел за растрату, обнажив кое-какие интимные тайны подсобки. Короче, чайное пиратство получило нежелательную огласку, и вскоре кое-кто из бакалейных флибустьеров сел за злоупотребление служебным положением.

Сгоряча привлекли, было, и директора, но...

Вот тут-то и настало время вспомнить еще об одном удивительном свойстве чая. Это навар, который дает часовладельцу его безлимитная распродажа людям из полезных сфер жизни. Этот навар придает торговому работнику незаменимое качество — непотопляемость в волнах непредвиденных житейских коллизий.

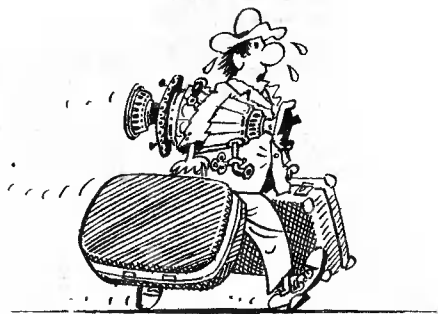
Впрочем, это свойство далеко не только чая, что было прекрасно известно Бархановой еще по прежней магазинной работе, едва не закончившейся отсидкой. Да и теперь ее судьба сложилась вполне благополучно.

Поначалу дело Бархановой было ловко выделено в отдельное производство, а потом по нему был бестрепетно вынесен оправдательный приговор.

Правда, после протеста недремлющей прокуратуры решение было пересмотрено, и суд признал-таки Барханову виновной. Но лишь в халатности: мол, директор просто не знала, не ведала, что там вытворляют ее несознательные подчиненные. Но даже по этой статье, подразумевающей от трех сотен штрафа до трех лет отсидки, директору не было назначено вообще никакого наказания! Поскольку она, как было сказано в этом поразительном судебном решении, появившемся не без влияния крепких чайных паров, продолжает работать в той же должности! Что было сущей правдой — Барханова действительно продолжала директорствовать в магазине № 44. И не обратись прокуратура в высшие торговые инстанции, работала бы вблизи ароматного чая и поньше. Впрочем, не обидело ее торговое начальство и теперь, определив завескейем в «Детский мир».

Да и другие несевшие участники чайных торжищ в подсобке чувствуют себя сегодня прекрасно. И даже не шибко-то испугались. Вот еще! Где это, интересно, записано, что продавец не может купить товар в родном магазине? По всем торговым правилам имеет полное право. Конечно, только в исключительных случаях и исключительно с разрешения администрации. А какой случай считать исключительным? Ясное дело, тот самый, когда и товар в магазине исключительный, первосортный. Словом, тот самый дефицит, который уважают и работники прилавка, и люди из полезных сфер жизни.

С чем же тут бороться? С непобедимым дефицитом — наивно. Полезные сферы жизни могут и пригодиться. Остается рассеять плотный туман в формулировках торговых правил. А иначе покупатели так и будут наслаждаться одним только восхитительным чайным ароматом из подсобки.

ТЯЖЕЛАЯ НАГРУЗКА

Я наклонился к полукруглому окошечку кассы и сказал:

— Здравствуйте. Мне нужен билетик. На поезд. До города Тулы. В один конец. Можно плацкартный. На сегодня. Сделаете?

— Сделаем, — весело ответила девушка в окошке и, отыскав какой-то список, повела по нему пальцем с перламутровым ногтем, повторяя про себя: «Танжер, Тернополь, Тегеран, Тобольск, ага — вот и Тула». — Потом посмотрела на меня и спросила:

— Могу предложить самовар трехведерный электрический или кофейный сервиз на пятьдесят персон. Если хотите — можно вместе.

— Да нет, спасибо. Мне бы билетик. На поезд. До города Тулы.

— Я понимаю, что вам билетик, — терпеливо ответила девушка. — Только билетик у нас с нагрузкой. Вот смотрите. — И показала мне список. — К Туле идет самовар или сервиз. Выбирайте.

— А может, предложите что-нибудь еще? — понизил я голос. — Возьму коляску детскую с окошками. Или машину стиральную «Малютка».

— Давно не завозили, — тоже тихо ответила девушка. — Могу предложить лодку резиновую надувную трехместную. Незаменима для рыболовов и охотников, обладает отличными эксплуатационными качествами. Ну как?

— Спасибо, не надо. Может, еще что?

— Больше в этой зоне ничего, — обиделась девушка. — Не хотите лодку — сидите дома.

— Придется брать билет до следующей станции, — решил я и спросил: — А что там за Тулой? Орел? Хорошо давайте до Орла. Один, плацкартный, можно общий. На сегодня. Сделаете?

— Посмотрим. — И она достала другой список: — «Оттава, Орша, Обнинск, вот — Орел». До Орла, плацкартный, осталась скульптура «Девушка с веслом» в натуральную величину. Бронза. Берете?

— Может, только весло, а? Очень вас прошу!

— И не просите, не могу. Кто же это одну девушку возьмет? Вы думайте, что говорите.

— А может, есть билет до следующей станции? До Курска. Посмотрите. Один, общий, можно в тамбуре, а?

Девушка покачала головой:

— А дальше билетов вообще нет. Юг, сами понимаете.

— А бронь! — закричал я. — Бронь-то должна быть?

— Бронь вы не возьмете. К ней идет мужской костюм фабрики «Закат» модной расцветки. Хотите?

Я покачал головой. Положение было безвыходным.

— Да не мучайтесь вы, — сочувственно сказала девушка. — Возьмите лодку и поезжайте. Посидите с удочкой, успокоитесь.

— Не могу, — сказал я. — Мне обязательно нужно быть завтра в Ясной Поляне. Семинар прозаиков. Понимаете, обязательно.

— Что же вы раньше не сказали? — оживилась девушка. — Есть билет прямо до Ясной Поляны. Купе, нижнее, по ходу поезда, рядом вагон-ресторан. А в нагрузку всего-то двухтомник прозаика Мирославцева — 128 печатных листов, бумага белая, печать высокая, переплет коричневый, твердый. Выписывать? — И занесла ручку над зеленым билетным бланком.

— Нет, — гордо ответил я, — не выписывать. Мне и без того авторские экземпляры девать некуда, а вы еще... Я уж лучше на автобусе. — И направился к выходу, сопровождаемый гулким эхом собственных шагов.

НОВОЕ МЕСТО

Юрию Трофимовичу надоело его место: стул, стол, комната, сослуживцы — все. Так бывает. Другим свое место, может, тоже надоело, но то другие, а это — Юрий Трофимович.

Он взял лист голубоватой бумаги и набросал на ней следующий текст: «Срочно меняю место ведущего инженера с окладом... — тут он, задумавшись на секунду, указал правильную цифру, прибавив к ней, правда, треть квартальной премии, — ... по договоренности. Отдаленных районов не предлагать».

Это объявление Юрий Трофимович напечатал на отдельской машинке «Оптим» и под покровом ночи наклеил на остановке автобуса.

Первым откликнулся загорелый человек в рубашке с иномаркой на кармашке. Осмотрелся, поцокал языком:

— Хорошо сидишь. Метраж подходящий, прохладно. Мне подходит.

— А у вас что? — перешел Юрий Трофимович к делу.

— Зачем спешишь? — удивился гость. — Говорить будем. Хорошее место отдаю, теплое. Под солнцем юга. Песочек, цитрусовые...

— Я же по-русски написал — отдаленных районов не предлагать, — рассердился Юрий Трофимович, не любивший тамошнего климата. — Или не понимаешь?

— Зачем отказываешься — другого такого места нет на свете. Жалеть будешь. — И загорелый человек исчез.

Затем появилась бойкая гражданка с набитыми сумками. Походила по комнате, погладила стены, осмотрела паркет.

— Что меняете? — осведомился Юрий Трофимович.

— Понимаете, — быстро заговорила гражданка, бегая взглядом, — у меня, конечно, сто двадцать, зато центр: магазины, кино, все удобства. Потолки три пятьдесят.

— Коллектив женский? — строго спросил Юрий Трофимович. Больше всего в работе он ценил покой.

— Да, конечно, в основном... Но люди прекрасные. А вы женаты? — вдруг спросила она и посмотрела на Юрия Трофимовича особенно.

— Женат я, — отрезал тот, и гражданка отбыла.

Следующим был молодой человек в спортивной обуви. Молодой человек рассеянно осмотрел комнату, подошел к окну, раскинул руки и глубоко вздохнул.

— Слушай, старик, ты хорошо устроился. Тихо. Спокойно, ландшафт опять-таки способствует... Навевает. И бабки ничего.

— А у вас... у тебя сколько? — поинтересовался Юрий Трофимович.

— Да как тебе сказать. В смысле оклада, конечно, средние. Но плюс халтура, то-се, ничего, набегает.

— А халтура, то-се — это как?

— Да так. Побегает, покрутишься, тут зацепочка, там заказик. Словом, жить можно, шли бы ноги.

— Нет, — решительно отказался Юрий Трофимович, — мне этот бег трусцой ни к чему. Возраст не тот. — Насчет возраста он, конечно, покривил, а вот надеть тапки и носиться за каждой десяткой — это извините — отвык.

Больше до обеда никто не появлялся, и Юрий Трофимович задумчиво спустился в столовую. Борщ сегодня оказался вполне приличным, а блинчики с мясом так и просто замечательными. Взяв вторую порцию, Юрий Трофимович обстоятельно обсудил с подсевшим Федяевым капризы климата, возможность существования снежного человека и виды на повышение и, допив компот, неторопливо поднялся к себе. На его месте сидел неопределенного возраста мужчина с широкими плечами и осунувшимся лицом.

— Я, это, по объявлению. — Мужчина поднялся и неловко переступил с ноги на ногу.

— Что предлагаете? — с сомнением спросил Юрий Трофимович.

— Вы, хозяин, не сомневайтесь, место хорошее. Сидеть — лежать — то всем надо, правильно. Вот мы и возим. Мебель доставляем. Если что, и достать можем.

— А что ж сами-то? — поинтересовался Юрий Трофимович.

— Да замучило это дело совсем. — Осунувшийся щелкнул пальцем по небритому подбородку. — Профзаболевание. А у меня жена, детишки.

Юрий Трофимович замахал руками:

— Нет, нет! Мне это дело категорически...

— Жаль.— Осунувшийся с завистью огляделся и, тяжело вздохнув, пошел прочь.

Остаток дня прошел спокойно — больше никто не появился. Юрий Трофимович уютно сидел на своем месте, смотрел на стол, комнату, сослуживцев, потом в окно. Со звонком поднялся, одернул пиджак и, спустившись по лестнице, направился к остановке.

На столбе висело знакомое объявление. Четыре хвостика были оторваны, оставшиеся теребил ветер. Юрий Трофимович немного подумал, потом решительно оборвал их и сунул в карман — подходил автобус, а урны поблизости не было.

И когда их только поставят на автобусных остановках?

ЗЕРКАЛО

Он сидел и смотрел в зеркало. А из зеркала на него смотрел мужчина, который в последнее время ему не очень нравился. У этого мужчины рос третий подбородок, цвет лица был так себе. И вообще был он не первой молодости. И не второй.

«Эх, — вздохнул он, — скинуть бы годков эдак... — И задумался: — А сколько скинуть-то? Начинать с самого начала — пеленки, манная каша, агу-агушеньки?.. Скучища. А позже? А позже тоже не сахар — палочки, кружочки, таблица умножения, Зинка-ябеда... Да еще музыкальная школа в придачу. Нет уж!

Может, тогда класса с четвертого-пятого, а? Майн Рид, индейцы, марки, рыбки... — Он почесал нос, мужчина в зеркале тоже. — А эта история с дневником. И scarlatina, а потом еще переэкзаменовка — зубрил неправильные дроби и восстание Спартака. — Он покачал головой. — Нет, школу пропустим.

А если институт? Кино, походы, вечеринки. Курса с третьего, когда сопромат кончился, а? — Он вопросительно посмотрел в зеркало. Там усмехнулись. — Зачеты, экзамены, курсовые. И листы, листы... Помнишь, — мужчина в зеркале подмигнул ему, — три года за себя и за Леночку, ночами, а? А она потом... Помнишь? За лучшего твоего друга. Ну и хорошо! Это ты сейчас так думаешь, а тогда... Забыл? — Он вздохнул. — Да, институт, пожалуй, тоже пропустим. И три года по распределению — тоже.

Но зато потом, — он заглянул в зеркало с надеждой, — хорошее место, руководитель, тема. Рискнем? — Мужчина в зеркале сморщился. — Еще десять лет пахать ночами и даже в кино — раз в год. И тогда-то до защиты еле дотянул.

А Таня? — сделал он последнюю попытку. — Ты помнишь тот месяц в Ялте, теплое море? И она собирала камешки. А потом на теплоходе в Одессу. Помнишь? Ведь здорово было! — Здорово, — согласился в зеркале, — если на считать лет, прожитых с ее мамой. Хочешь еще?»

Возразить было нечего, он кивнул и закрыл глаза. Посидел так немного, вздохнул и заглянул в зеркало еще разок. А оттуда на него посмотрело слегка усталое, но в общем-то вполне приятное лицо человека, прожившего трудную, но интересную и нужную жизнь. Было в той жизни второе место на математической олимпиаде, разряд по лыжам и шахматам, была институтская сборная по волейболу, спортлото и бет-трусой. Были тонны отсортированной картошки, воздвигнутый в стройотряде коровник, задержанный хулиган. А главное, была интересная работа, трое аспирантов, хорошая квартира у метро, любящая жена. И две дочери, а скоро и внучка. Или внук. А цвет лица — так побольше на воздухе гулять надо. Внучка появится, и погуляем. Вот так.

Лицо в зеркале улыбнулось и потерло рукой щеку. А он улыбнулся в ответ и потянулся за бритвой.

СОДЕРЖАНИЕ

Черные списки	2
Странный день	5
Облако	7
Погоревший феникс	8
Дороги, которые мы выбираем	10
Старик	11
Кто полюбит пешеходов?	13
Где эта улица?	16
Колесо Фортуны	18
Где вы раньше были?	20
От лукавого	21
Пуговица	23
Хитрая механика	25
Новичок	28
Тогда и звоните	29
Фаталист	30
Среда, которая нас окружает	31
Неродные дети	32
Лавина информации	35
Самодур	36
Сон	38
Чаепитие в подсобке	39
Тяжелая нагрузка	42
Новое место	44
Зеркало	46

Владимир Сергеевич ГРЕЧАНИНОВ

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

Редактор А. Е. Вихрев

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 20.07.87 г. Подписано к печати 12.09.87.
 А 04771. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
 Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
 Учетно-изд. л. 2,92. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75000.
 Изд. № 2116. Заказ № 1039. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
 типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
 «Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

В духе времени прежде всего следует сказать о присущих автору недостатках. Во-первых, используя служебное положение штатного сотрудника «Крокодила», за три с небольшим года он опубликовал в журнале более трех десятков фельетонов, за что ему дважды присуждалась крокодильская премия. Во-вторых, автор систематически печатает в газетах и журналах и свои рассказы. Часть вещественных доказательств его вышеозначенной деятельности собрана в настоящем сборнике.

Однако нельзя не отметить и отдельные достоинства автора. Хотя бы то, что для первой книжки (автору 36 лет) он еще довольно молод.